

18+

Алекс Норк

**НОЛЬ ЧАСОВ
ПО МОСКОВСКОМУ
ВРЕМЕНИ**

НОВЕЛЛА IV

Алекс Норк

**Ноль часов по московскому
времени. Новелла IV**

«Издательские решения»

Норк А.

Ноль часов по московскому времени. Новелла IV / А. Норк —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981351-0

Четвёртая детективная история по материалам бывшего следователя Петровки Дмитрия Шадрина. Как и предыдущие, новелла, наряду с основным сюжетом, содержит историко-политическую публицистику.

ISBN 978-5-44-981351-0

© Норк А.
© Издательские решения

Ноль часов по московскому времени

Новелла IV

Алекс Норк

© Алекс Норк, 2020

ISBN 978-5-4498-1351-0 (т. 4)

ISBN 978-5-4496-0587-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Продолжение серии по следственным материалам Дмитрия Шадрина.

Как и для предыдущих новелл: не рекомендуется читать любителям чисто детективных историй и людям с тонкой скрепно-духовной психикой.

Отец и брат уже дважды побывали в России, а я откладывал визит и отправился лишь совсем недавно.

Ненадолго.

И планировал ненадолго, потому что оба сородича укорачивали свое пребывание, возвращаясь, без неожиданных каких-то причин, раньше срока. И без внятных объяснений. Просто, вроде как, «чувство возникло – нечего там, особенно, делать». Про «особенно», впрочем, ясности добиться не удавалось, а тем более – в планах такого ничего и не значилось.

Надо вспомнить, «не тяга» на родину вообще характерна для разных поколений нашей эмиграции.

Советская власть, в смысле возвращения, иногда напрягалась, а особенно после Второй мировой войны: заманивали Бунина, Бердяева, гениального шахматиста Алехина, и вообще: «ждем всех-всех...»

Некоторые купились, но из крупных имен – никто.

Хотя колебались.

Бердяев прочитал лекцию в советском посольстве, что считалось знаком крайней лояльности, Бунину уже запустили в печать сборник избранных произведений, Алехину предлагали хороший гонорар (а он реально нуждался) за матч с Ботвинником, другим тоже что-то...

Нет, соскочили!

И тогда Родина сурово сдвинула брови.

Она у нас и при ответной любви может по кому угодно проехать, а тут такая бесчувственность.

Оттянулись на вернувшихся и тех, кто оказался на оккупированных территориях: знаменитого певца Петра Лещенко схватили в Румынии прямо после концерта – скоро расстреляли, и посадили за решетку его жену. Коллегу Бердяева философа и историка Л. П. Карсавина арестовали в Прибалтике, когда тому было уже под семьдесят, – умер через два с половиной года в лагерях. А большинство добровольно вернувшихся пересажали, и не все дожили в заключении до амнистии 53-го года.

Добрые люди уже говорят: «Это ж когда-а? Да еще Сталин!»

Стоп-стоп, могилу кровопийцы каждый год в декабре и марте заваливают цветами, причем в большинстве это делают граждане, бывшие при нем только подростками или еще не жив-

шие; в очереди стоят, и цветы несут за собственные деньги. А в конкурсе «Имя страны» Сталин оказался на втором месте, хотя по слухам – его сдвинули вниз для Александра Невского.

Удивительно (даже если убрать/?/ уничтожение миллионов): маленький, рыжий, с щербатым противным нерусским лицом, с сильным акцентом и отсутствием каких-либо ораторских качеств – он стал предметом трепетного поклонения именно, и прежде всего, русских людей. В отличие от Гитлера, сумевшего быстро наращивать благосостояние простых немцев, Сталин ничего не делал в этом направлении. Напротив, коллективизация разорила деревню, и все тридцатые годы она пребывала в такой бедности, что многие говорили: «стало полегче, когда немцы пришли».

Кошмарный поток похоронок во время Войны.

А после – несколько лет беспощадной эксплуатации аграрного населения, около 2 миллионов смертей от голода; это там, где продовольствие и производилось – крестьяне получали пищевой мизер на трудодни.

А вот такой документальный штрих к портрету той страшной эпохи.

Старший на полпоколения коллега отца рос простым сельским парнем.

С Войны в их колхоз не вернулся никто.

Это в кино у нас любят показывать как мужчины возвращаются после победы, женщины, рыдая от счастья, встречают, а какая-то ищет глазами среди новых прибывших любимого своего и... опять не находит.

Всё было прямо наоборот: множество уже уставших ждать глаз, и редкие вернувшиеся счастливчики. «Повезло одной на три села вокруг», – из стихов Роберта Рождественского про мать, к которой вернулись оба сына. Нереальная почти ситуация.

И вот этот пятнадцатилетний парень вместе с матерью запрягались для вспашки – принудительно, разумеется, – выполняя роль лошадей, которые тоже были использованы на фронте. Сзади шел и давил на плуг старичок. И на других таких же сельчанах пахали, то есть женщинах и подростках; а норму надлежало выполнять и по глубине, и по площади вспашки.

Через два года мать померла именно от того, что в народе называется «надорвала сердце» (точнее образа и не сыщешь), а парень заработал выпирающие венами ноги. Высокий, сильный – хотел студентом заниматься волейболом, а ему: «ты аккуратнее себя води, а то тромб оторвется – и улетишь». И жил уже дальше с больными ногами.

«Мы поднимали страну!», – заявляет очередная коммунистическая морда, прекрасно устроившаяся при новом режиме. Это, что, у него с молодости венозные ноги и умерла мать не дожив даже до сорока?

И еще громче: «Мы делали ракеты! Первыми вышли в космос!»

Вы вообще ни хрена не делали, а занимались так называемой «руководящей партийной работой».

Делали друзья моего отца, которые в молодости пошли в физические и технические науки, и среди моих одноклассников есть такие же люди с докторскими степенями, только они уже... да, делают то же самое, только в других точках земного шара. Не потому ли, что Россия опять переделалась, и неважно как называются новые морды?

Однако откуда они? С Марса, из специальных питомников?

Мы уже писали в третьей новелле – откуда. А сейчас нужно только немного добавить.

История... память...

Что между ними общего?

Это просто одно и то же.

У народа нет памяти в психофизиологическом (человеческом) смысле. Его память – история.

Здесь стопроцентная аналогия, если не сказать тождество: человек знает о себе памятью, народ – историей.

И ни у кого в мире не возникает вопрос – нужно ли, и зачем, знать свою историю?

Только на российском телевидении такое могут много раз обсуждать.

Если вы не собираетесь ничего менять, необязательна и история; как туповатому человеку рефлексия – «ну, живу и живу». Но при желании изменений к лучшему, надо знать что именно изменять, то есть знать историческую наличность, потому что она и есть точка координат, из которой возможно движение. И понятно какое – вперед.

Но что такое «вперед» для человека, как не исправление своих недостатков? Об этом говорил и Христос; и почти все заповеди говорят, чего не делать.

Конечно, в конкретных социальных областях «вперед» означает развитие чего-то хорошего уже существующего.

Однако в идейном плане это всегда движение от минусов к плюсам.

Но как? Возможно ли оно не через точку ноль?

А данная точка – ни что иное как норма.

Не надо орать про великое без исторического состояния нормы.

Мы вообще эту станцию проезжали?

Или я просто заспался, когда вы там покупали пиво и сигареты...

В Европе телевизор показывает, в том числе, всё российское.

Но оно «по ту сторону экрана».

А приехав в Россию я оказался «по эту», и очень скоро понял про досрочные возвращения отца и брата.

Вернее, почувствовал.

Нет, никто не лез ко мне с разговорами в духе известных политических шоу, ничего такого конкретного, а только общее... про ауру еще в таких случаях говорят.

Чем она ощущается строгая наука ответить не может, а я, по-простому, попробую.

Мы видим спектр цветов – от красного до фиолетового, однако не весь, существуют еще инфракрасный и ультрафиолетовый.

Их мы не видим.

Но они есть.

Причем известно, что элементарно в нас проникают.

Я за недолгий московский срок несколько раз слышал как, в ответ на детские просьбы, матери отвечали: «у нас денег нет», «у нас мало денег»... А вот в позднее советское время такого не слышал – мороженное или пирожок были мелочью для родительского кармана.

Тут сравнение, сразу оговорюсь, не в пользу прошлого, а в минус сегодняшнему.

Каково ребенку жить в ощущении, что мелкая радость ему недоступна, в какие частоты инфра оно попадает?

А вот, разожратый мужик взял бутылку водки.

Сейчас вмажет у телевизора и порадует как «мы» снова кому-то впендюрили, хоть бы и на словах – всё равно душу греет... душу?

И лекарства, которые не что покупать...

Обида-безрадостность-злоба сливаются в невидимую инфра.

А лучше, чтобы она была видимой, потому что невидимый убийца многократно опасней.

Можно еще взглянуть «медицински»: лечить эффективно болезнь врачи способны лишь точно ее установив. А как лечить хворого, но психически мало нормального, который на всех углах кричит: «я самый сильный и самый-самый, я великий и всех победю!»? Причем, это не подросток, а крупный детина, да еще норовящий в любой момент схватиться за кол.

И вот ощущение коллективного этого «самого-самого» у меня возникло и, по мере пребывания в Отечестве, усиливалось.

Охлосные чуваки очень любят вообще во всём отводить от себя стрелки, но особенно любят хоть чем-то себя уважать. Поэтому, отгоняя справедливые, даже для последнего их дурака, сомнения, принимают и аплодируют давно изношенной поговорке: «Мы русские – духовные! За это нас ненавидят».

Ненавидят? За это?

Каким образом тем «бездуховным» на Западе наша духовность (если такая есть) мешает ходить в магазины, не отказывать себе в кафе-ресторанах, отдыхе на пляжах теплых морей... а самые нас ненавидящие посещают картинные галереи, многочисленные концерты серьезной музыки, где, чаще чем на родине, выступают лучшие российские исполнители... наука тоже валит всю к бездуховным – каким образом, возникает для стороннего наблюдателя законный вопрос, – каким образом всё это вместе укладывается в охлосной голове?

Попробуем что-то в ответ сказать.

В удивительном по смыслу и художественной силе романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» (позже переназвали «Буранный полустанок») в страшном финале описан манкурт.

Два слова – как из людей его делали.

Связанному пленному перетягивали мокрой материей верхнюю часть головы, и высыхая она давила голову до обморочного состояния. Охочие к подобным экспериментам азиаты довели эту технологию до совершенства, и после некоторого количества процедур выживший пленник не только полностью терял память, но и обретал безразличное ко всему послушание: «подай-принеси», «сторожи», «чужого убей». Он и убил свою мать, которая, скитаясь, его искала.

Современные информационные технологии позволяют то же самое делать без мокрых бинтов и физической боли. А конкретный прием лучше всего иллюстрируется словами доктора Геббельса; нет, не про чудовищную ложь, в которую люди охотнее всего верят, – здесь доктор увлекся и допустил перегиб (про «во что охотнее верят» мы скажем дальше). Есть другое, и абсолютно инструментальное, высказывание: «Скажите людям тысячу раз, что Земля не круглая, а квадратная... нет, они не начнут думать, что она квадратная, но перестанут считать, что она круглая». Нетрудно переформулировать без метафор: скажите про нечто скверное, что оно очень хорошее; а про хорошее наговорите гадостей; сделайте так тысячу раз и... скверное будет считаться хорошим – ну, с отдельными недостатками, а хорошее – да, таким раньше казалось, но какое-то оно... нет, не надо.

Еще момент: средний человек (справедливо не слишком в себе уверенный) очень боится оказаться вне общей массы.

Особенно, если это «чревато».

Поэтому его манкуртизация происходит в трех направлениях:

убрать память-историю, где содержится много негатива, в том числе побуждающего к опасным с современной жизнью сравнениям;

вложить в пустоту кичливую самодостаточность, величие и окруженность врагами – методом доктора Геббельса;

тем же методом убеждать, что все граждане одинаково: думают, верят, готовы как один спасать себя от кругом-врагов; а вторым голосом неласково при этом звучит: «ты что, не как все?»

В чисто же прикладном плане манкурту приказывают то самое: «подай-принеси», «работай», «терпи – денег нет» и «убей в Гваделупе – тебе покажут кого».

Наивные заявляют: но это же не заменит нормального питания, жилья, медицины.

На некоторое время заменит.

Ненадолго?

Да.

Но на долго, при ловкости рук, и не требуется.

* * *

Конечно, в первый же день по прилету я встретился с Лешей.

Однако не после большой разлуки.

Он пару раз в год навещается в Европу – иногда к нам на Сардинию, но чаще мы где-то пересекаемся.

Леша давно уже «снял шинель» и работает у Аркадия, а точнее – руководит одной его «дочкой».

Встретились мы вечером, в одном симпатичном заведении, куда, по словам Алексея, «не пускают с улицы всякую дрянь».

И действительно, в полузаполненном зале было очень благопристойно.

Ощущалась некая общность, и мой друг два раза с кем-то здоровался.

– Слушай, тут прямо перед твоим приездом событие одно...

Леша приостановился подыскивая слова, а я, вспомнив вдруг брата, напрягся: «там настороженность ко всему нужна».

– Что-то не слава богу?

– Нет... теперь оно нам только в архив – похоже, всяк раскрылся, который у нас в девяносто третьем был. Помнишь?

Я сразу вспомнил:

– Ты про отравление? На Садовом кольце, на Житной?

– Ага.

* * *

93-й.

Год замечательный в постсоветской истории.

Потому что замечательно гнусный.

И нельзя хотя бы коротко о нем не сказать, тем более – о нем говорят очень мало, потому что именно оттуда стартовали многие персонажи сегодняшней политической сцены, в том числе – некоторые современные оппозиционеры, которые оказались тогда в шоколаде, а потом пошло «мимо денег» – обидели их не пустив в новый режим; и конечно, тогда же родились различных размеров финансовые мешки.

И еще одно, впрочем, самое главное: жуткий разгул преступности – самой разной, и в самых крайних своих выражениях.

Если мошенничество, то в максимальных размерах, полном бесстыдстве и при такой же полной безнаказанности; а бандитизм быстро складывался в организованные преступные группы со своими снайперами, подрывниками, адвокатами и прикрытием низовых милицеских органов, а иногда и не очень низовых.

На всё это «русское чудо» потребовался лишь один 92-ой год, так что к 93-му, когда развернулась приватизация более или менее крупной собственности, Родина вполне приготовилась; ну и к отъему собственности уже состоявшейся.

«А что же, – спросят молодые еще тогда плохо чего понимавшие, – что же власть? Новая, демократически выбранная, как бы – народная... куда власть смотрела?»

Туда же и смотрела: где деньги и как их взять.

И не «кто-то кое-где», а девяносто с лишним процентов – про остаток можно спорить, но он просто смешной; хотя тем из него немногим было совсем не до смеха: белые вороны в стае не живут – их быстро заклевывают, и тут сравнение отнюдь не в фигуральном смысле.

«Что же, мы все нечестные?» – обидится уличный патриот. (Бюджетный патриот не обидится – он про себя всё знает).

Успокоим немного уличного, прежде чем снова обидеть.

Как раз в конце 92-го года в газете «Аргументы и факты» появилась заметка одного работника московской прокуратуры, где он сказал примерно следующее: «Да, коррупция расцветает и затронула некоторых моих товарищей. Честных, представьте себе. Ранее не только не замеченных, но и не помышлявших о взятках. Однако то что сейчас иногда предлагают, не подходит под привычное понятие взятки. Это суммы, которые ломают психику!»

Я дальше от себя в виде детских картинок «раскрась сам».

Прокурор, пусть – советник 3-го или 2-го ранга (то есть майор, подполковник), живет в двухкомнатной квартире с женой и двумя подрастающими детьми; он даже еще на улучшение не очередник. Родители пожилые во Владимире, возможно и в деревянном доме. Хорошо еще – никто не болеет, но никуда не денешься от такой перспективы. Жена – учительница в школе, а зарплаты тогда в прокуратуре были немногим больше среднего по стране. И гайдаровщина двинула цены вверх так, что многих товаров просто не купишь.

А прокуратура всегда в курсе дела, и происходящее – дикое во всех смыслах обогащение – у сотрудников на виду.

Вот, например, приватизация «в одни руки» стадиона Лужники – целиком, сотысячного, со всеми внутренними помещениями... это как? да хоть просто салон-парикмахерская в центре города – с чего вдруг какой-то бабе? и прочее-прочее, так что, едва успеваешь вздрагивать.

А это, говорит пропаганда ельцинского режима – гайдары-чубайсы (которых полтора года назад нельзя было рассмотреть даже в лупу), это чтобы исключить возврат к коммунизму.

«Спасибо, – думает прокурор, – за такой невозврат. Только получается, я в очереди за бутылкой пива с такими же дураками стою, когда в открытую весь винный магазин выносят».

И вдруг предлагают ему...

Да! и детям на квартиры хватит, и родителей лечить, и еще много останется.

Леша прочитал вслух ту статью в «Аргументах», за нашим служебным чаепитием, и после небольшого молчания Михалыч без особой иронии произнес: «Что-то никто нам ничего не предлагает».

Строго говоря, психологическая такая ситуация не про нашего отечественного прокурора, а вообще про прокурора.

Люди – они везде люди...

Да?

Или нет?

А вот вы сейчас удивитесь, потому что ответить нам поможет известный сатирик Михаил Задорнов.

Все знают его любимую тему: американцы – тупые, а мы самые-самые – во всем.

Вот в одной из таких тематических разработок он выбрал «умственное» наше превосходство.

И рассказал.

В Америке автоматы для прохода в метро настроены на металл, а не на размер монеты. Этот факт быстро привлек к себе русскую иммигрантскую мысль.

А дальше: легким движением руки (с зубилом) монета превращается... превращается монета... в три или четыре проезда на американском метро.

Затем, под счастливый смех зала, сатирик отмечал, что тупые американцы до такого решения не доперли: «За сорок лет не доперли! Ну, ту-пы-е! А мы, русские, сразу разобрались!»

А теперь позвольте пофантазировать.

На концерте в Германии некий немецкий сатирик рассказывает такую же точно историю, но только – про немцев в Америке...

Не стану описывать реакцию зала, но рецензии в газетах следующего дня появились бы, уверен, с такими названиями: «Негодяй, позорящий нацию», «Лживый шут», ну, и что-нибудь такое еще.

Да, и обязательно фотография – чтобы узнавали на улицах.

Впрочем, ведь искони говорят на Руси: «что немцам смерть, русским здорово».

Вот это самое здоровье нации, которое для других смерть, и стало всю себя демонстрировать. В том числе, заказными убийствами и угрозами таких действий с целью, разумеется, вымогательства.

На эту именно тему мы и открыли то следственное производство весной 93-го, и теперь перейдем к нему, оставив пока общие, так сказать, того времени безобразия.

«Новые русские» – их тогда называли.

А теперь льстиво величают «элитой».

Эта, выросшая в советской коммунальной тесноте шелупонь, первым делом стала закупать квартиры, размерами, много превышающими реальную жилую потребность, – совершенно как сильно оголодавший человек начинает, дорвавшись, лопать сверх всякой меры, и может даже – до заворота кишок. Осуждать, понятно, несчастного за такое нельзя, и мы тоже квартирных обжор осуждать не будем, тем более – у них у всех есть «другое за что».

Главными объектами Москвы, явились, конечно же, сталинские дома.

У них тоже есть свой ранжир, верхнюю строчку в котором занимают те строения внутри и вдоль Садового кольца, которые создавались не по типовым, а, в основном, по специальным проектам. И еще дома на нескольких главных проспектах.

В первой половине 90-х загородное дворцово-коттеджное строительство только осваивали, и привычка жить там еще не сложилась. Ну и пустоватая инфраструктура была – это сейчас там рестораны, концерт-холлы, бутики, педикюры и парикмахерские для собак... Не утонченная была еще эта публика, и даже, не будет ошибкой сказать – простоватая.

Вот сразу популярный тогда анекдот.

Встречаются два новых русских: «Я тут квартиру на полторы сотни метров купил. У тебя нет для ремонта хорошей бригады евреев?» – «Русские есть. Зачем тебе евреи?» – «Так я ж евроремонт делать хочу».

И это даже не совсем анекдот.

Сигнал мы получили в конце рабочего дня, и не от местного отделения, а из Администрации Президента – еще не до конца тогда оформившейся организации (вполне встанет на ноги после осеннего расстрела Белого дома), но уже очень наглой.

Пострадал родственник кого-то из тамошних главных, точнее, не он сам... впрочем, теперь надо обо всем подробно.

...

Звонок был нешуточный, поэтому группу возглавил Михалыч; и как «по особым случаям», нацепил на майорский мундир наградные колодки.

Вместе с экспертами двинули на двух машинах.

Конец апреля.

Как оживает уже легко одетая в это время Москва, вдруг хорошеют и улыбаются лица, сколько, оказывается, у нас привлекательных женщин, стройных фигур, плохо заметных под теплой одеждой, истосковавших себя показать... Москва уже не спешит домой... много гуляющих...

вот сейчас на Васильевском спуске...

...

а теперь на Ордынке...

Теплый, забытый почти за зиму ветерок через приоткрытые окна автомобиля словно приглашает нас в новую жизнь... и все мы, москвичи, одинаково ожидаем хорошего в эти прекрасные, ставшие длинными дни...

Нет, не все.

Сейчас выскочим через Добрынинскую на Садовую, и впереди у нас труп.

Предварительно знаем только – жена бизнесмена, у которого родственник из президентских людей.

Мы, конечно, в курсе про спайку новой власти и капитала, но сейчас не про то.

Встречают сразу у подъезда.

Молодой человек, по виду – охранник.

Свернутый пополам листок протягивает:

– Заключение врача скорой помощи, они только уехали.

– Тело не трогали? – беспокоится кто-то из наших.

– Нет, только сердце послушали, посмотрели зрачки.

...

Выйдя из лифта, оказываемся не на обычной площадке, а в приятно отделанном деревом холле, два вазончика с чем-то растущим-зеленым, столик, два кресла.

Из одного быстро встает другой охранник и вытягивается перед Михалычем:

– Прошу, товарищ майор.

Сбоку большая внутрь открытая дверь.

– Что, весь этаж ваш?

– Три квартиры в одну, товарищ майор.

Квартиры в таких домах не маленькие, у меня по соседству в Лаврушинском двое одноклассников в подобном живут – квартир-однушек там вообще нет.

Лифт ушел за второй нашей группой, а Михалыч показывает идти не дожидаясь.

Что-то вроде большой прихожей... встретивший охранник показывает куда дальше...

Ох, и творили «новые русские», создавая себе, с жиру бесясь, хоромы – даже куски несущих стен убирали; и такие «реконструкции» им столичные контрольные органы утверждали в течение суток; по действующим, конечно «черным», тарифам, а для посреднических услуг образовалась целая сеть частных фирм: юридически – уголовщина от старта до финиша.

То есть Коммунистическая идея терпела от «свободного рынка» разгромные поражения по всем направлениям, потому что... а какая в казарме вообще могла быть идея?

...

Входим в большую комнату... правильнее – небольшой зал... кроме дневного света – еще верхний... глаз схватывает без деталей дорогую светлых тонов обстановку... длинный красиво сервированный, и с цветами стол... в полукресле женщина с откинувшейся в сторону от нас головой... молодая, кажется... а дальше, справа в углу, несколько человек... женщина, трое мужчин, все смотрят на нас... какое-то на небольшом столике там питье...

Мужчина средних лет отделяется, делает пару шагов в нашу сторону... хрипловато с усилием выговаривает:

– Моя жена.

Михалыч произносит соболезнование, начинает нас представлять, а я слышу голоса прибывших.

Но не нужно, чтобы они сейчас все вваливались:

– Леш...

– Понял, сейчас скажу.

Стол, замечаю, из непростого какого-то темного дерева, на гнутых ногах – антиквариат... или новодел под него. А тело женщины немного сдвинуто вниз – словно вскинулось резко сначала и сразу осело...

Из многих по курсу криминалистики фото явилось внутреннее ощущение – быстрая смерть от удушья... секундная какая-то...

Лешка вернулся, поворачиваю к нему голову и шепчу:

– Цианид.

– Помажем? Я на остальное.

– Графин?

– Лады.

Графин пива – стандартная у нас единица.

А вообще, конечно, цинизм.

Но в ментовке без него невозможно – он как защитный скафандр. Ну, не совсем защитный, однако внутрь гораздо меньше, все-таки, проникает.

Михалыч, отдать надо должное, тактические решения принимать умеет.

Предлагает отличный сейчас выход из многолюдной ситуации: «В квартире, наверное, есть еще просторная комната?» – «Вот, соседняя» – «Тогда, не возражаете, оставим эту экспертам?»

Хозяин, согласно кивая, поворачивается... кажется, ему трудно идти.

Теперь виден проход, куда двинулись в том углу люди.

А сейчас я могу уже их рассмотреть – мы в помещении вроде гостиной: голубоватых тонов, с мягкой мебелью, и видимо, назначенной, в том числе, для курения.

Девушка закурила и поднесла хозяину зажигалку, еще немолодой мужчина закуривает сигару – волосы с сединой идеально уложены волною назад, – артистическое и барское выражение вместе.

Не курит, среди них, лишь один худоватый молодой человек в очках.

В кресле расположился только тот господин с сигарой, остальные стоят, и всем как-то неловко...

Хозяин, чувствуя это, двигает в стороны руками, приглашая рассаживаться...

Мы с Лешей садимся на ближние стулья, Михалыч один остается стоять, хозяин и девушка, мы скоро узнаём – отец и дочь, напротив нас.

Девушка вдруг начинает закашливаться...

Но вроде всё.

И Михалыч готов начать.

Однако быстро возникает медэксперт, тихо говорит Михалычу, я, рядом, слышу его полупшепот:

– Надо им срочно вопрос задать.

– Пожалуйста, – и громко для остальных: – наш эксперт хочет спросить.

– Кто-нибудь еще пил из бокалов?

Пошло переглядывание.

Но сразу почти молодой человек проговорил:

– Мы не успели, я точно помню.

– Да-да, – закивал аристократический господин.

– А... – у девушки опять вышло «кхе-кхе», – если важно, я немножко раньше это вино пила, – кхе, попробовала.

– Что, в горле свербит?

– Немного, – она стала тушить только начатую сигарету и снова кхекнула.

Эксперт почти стремительно подошел:

– Так, на меня посмотрите, – бесцеремонно вздернул ее подбородок и повернул голову в одну... потом в другую сторону: – Вкус посторонний во рту чувствуете?

Девушка сглотнула, в глазах появился испуг:

– Немного.

– Какой, как металл?

Она только выдохнула и кивнула.

Мы с Михалычем переглянулись, понимая, что дело нешуточное, а наш спец уже извлек блокнот:

– Так, сейчас срочно в аптеку! Я видел, здесь в вашем доме, – он начал быстро писать: – Три наименования... третье возьмёте, если нет первого.

– У нас где-то одноразовые шприцы, – растеряно начал хозяин, – что еще...

– Шприцы у меня имеются, – он вырвал из блокнота листок. – Вы, молодой человек? – тот уже стоял рядом. – Бегом!

– Эдик, деньги...

– Есть! – раздалось уже из соседней комнаты.

И снова к девушке:

– Пульс дайте.

Она протянула руку, попробовала встать...

– Нет, сидите.

...

И зачем-то опять понадобилось осмотреть лоб, лицо.

– А сколько, примерно, выпили?

– Граммов двадцать, – неожиданно ответил за нее господин с сигарой. – Я сам наливал.

– Да, – на выдохе произнесла девушка, – только для дегустации.

– Сейчас кружения головы никакого нет?

Барышню еще раз взяли за подбородок, и теперь осмотрели шею.

...

А когда голова опустилась, она снова закашлялась.

– Там, где железы, першит?

– И ниже.

– И ниже, да. Что же врач скорой помощи не спросил? Ну, народ!.. Э, Алексей, сходите, будьте любезны, за моей коричневой сумкой.

И слегка успокоил девушку, да и нас:

– Ничего, ситуацию мы перехватили. Главное, покраснений лица совсем нет.

– Может быть, ей лучше лечь? – спросил хозяин.

– Не надо. Молодец, она хорошо держится.

Та попробовала в ответ улыбнуться.

– Э... а выпить ей для дезинфекции?

– И для расширения сосудов? Ни в коем случае.

– Но нам, я думаю, можно, – вставая, очень уверенно произнес тот господского вида.

Он вообще показался мне сразу другим от компании – прочие находились в состоянии, простонародно называемом «в шоке», хотя в медицинском смысле это не шок, а правильно сказать – стресс, который может быть разных степеней и с разными психическими реакциями,

но общие признаки нам, с «наметанным глазом», хорошо заметны. Так вот, у того признаки стресса вовсе не наблюдались, а состояние походило больше на отдых между двумя таймами футбольного матча.

Я, конечно, никогда не делаю выводов от первого впечатления, но и фиксировать эти первые впечатления обязательно надо.

Леша вернулся с сумкой, а наш эксперт уже втолковывал девушке и хозяину о лечебно-профилактических мерах. И что требуется снова вызвать «скорую», он растолкует врачу – положить ее надо под капельницы.

– Она в серьезной опасности?

– Нет, малая к счастью доза, сейчас принесут антидот... для жизни опасности нет, а для печени есть.

– Я вызову сейчас из четвертого управления, а доза, сказать им, чего?

– Скажите, цианид.

Леша рядом грустно вздохнул.

Пиво, которое и сам будет пить, конечно же, пустяки, но он уже подряд два раза проигрывал.

Однако случилось... да впрочем, не неожиданное – сделав движение туда, где сейчас сразу увидит труп жены, хозяин застыл, а сбоку стоящий Михалыч, испуганно подшагнув, приподнял руку, чтоб, если что, поддержать...

Я тоже хотел как-нибудь поучаствовать, но тут помог вернувшийся с бутылкой и стаканами господин:

– Я слышал Коля, сам позвоню твоему брату, он быстро организует. Ты сядь, выпей пока, – показывая мне на курительный столик, поставил туда бутылку: – Капитан, окажите, будьте любезны, услугу.

Михалыч махнул мне рукой «сидеть».

...

Помог сам тому сесть в кресло.

И наливает.

Вот уже и развитие стресса... и у девушки – откашлявшись, стала глубоко нервно дышать.

От этих двоих мы точно сегодня ничего не добьемся.

В четвертом, то есть правительственном медицинском управлении, девчонке всё нужное, ясный пень, на лучшем уровне сделают – нельзя сказать, что новая власть вернула старое «спецобслуживание», – она от него просто и не отказывалась.

Михалыч с помощью окончательно справился – помог употребить, поддерживая дно стакана.

Но эффект-то будет лишь очень временный – или человеку так и дальше коньяком себя оглушать?

Поднимаюсь, подхожу и тихо совсем проговариваю:

– Его тоже врачам нужно сдать.

Начальник мой, подумав, согласно кивает.

Показываю, что уйду в ту комнату.

...

Здесь трудятся трое.

И у покойной как раз берут отпечатки пальцев.

Теперь вижу лицо.

Красивое... и молодое.

По возрасту, пожалуй, где-то рядом с той, которая дочь, – лет на двадцать с чем-нибудь они обе.

А хозяину, наверно, под пятьдесят.

Ну, нормально – сейчас эти люди либо новую семью заводят, либо любовниц. А некоторые сразу по двум фронтам; можно классика повторить: «И жить, и чувствовать спешат».

...

Эксперты очень не любят, когда «следаки» к ним лезут в процессе работы, поэтому я и не лезу.

Но тут они сами:

– Многие там хлебнули?

– Одна. Но не из бокала. На пробу чуть выпила, я так понял – когда открывали бутылку.

Цианид, что, во всех бокалах?

– Во всех. А где эта бутылка?

Фигурка в коридоре у входа, громко кашлянув, дала о себе знать, а теперь, жалобно на меня глядя, изображает подобие книксена.

Понятно, боится войти из-за труп.

Иду к ней, а она уже указывает рукой:

– Там бутылка.

Существо мне представляется Катей, и что она здесь работает.

Одета, вижу теперь, в темно-коричневое строгого фасона, но не дешевое.

Этакая горничная в богатом аристократическом доме.

Кстати сказать, «новые русские» полюбили вдруг страстно всё старорежимное, и до того, что начали покупать княжеские и графские звания, а продажей принялись заниматься два афериста – один, якобы, от дома Романовых, а другой – потому что сам какой-то потомственный князь, вроде бы даже, из Рюриков. Криминального тут ничего не было, охота дуракам покупать фантики – пусть покупают.

– Вот из этой бутылки наливали? – переспрашивает один из наших.

У стены винный стеллаж с панелью, на ней на салфетке бутылка красного, наполовину уже начатая.

– Из этой, – кивает горничная.

– Капитан, сейчас «пальчики» с нее и забираем?

– А пробу-то можно сразу, чего там – бумажку сунуть.

– Нельзя – всё израсходовали. Кто ж знал, тут столько проб делать придется.

Вижу возникшего в коридор у входа – посланного в аптеку.

Парень, явно, быстро бежал, потому что слегка задыхается.

Проскакивая мимо нас, кивком показывает – «нужное взял».

Подхожу к эксперту, прошу с пробочкой поаккуратней, если яд был в бутылке, то не исключено – простым шприцеванием.

Обертку еще от горлышка – красную фирменную – забираю в карман.

Хотя яд и по-другому, конечно, мог в бутылку попасть.

Еще раз оглядываю стол.

...

И не в бутылку, а мог и в бокалы, когда их кто-то на столе расставлял – несколько крупиц всего нужно... мелкие они, молочно-прозрачные...

Возвращаюсь к выжидательно стоящей фигурке.

Надо через эту Катю, познакомиться с той публикой.

Как там у Булгакова: «напрасно думают, что домработницы чего-то не замечают»?

Говорю, что требуется письменно снять свидетельские показания.

– Можно у меня в комнате... или на кухне. Хотите чаю?

Хм, а я, действительно, хочу чая.

...

Кухня – ничего особенного, обставлена почти как у нас дома, табуреточки только с мягким покрытием.

Столик чистый, но девушка на всякий случай его еще протирает цветным полотенчиком. Уют.

...

И к чаю, из дорогой пачки, мне поставлена вазочка – зефир в шоколаде и фигурные мармеладки.

Солнце заглядывает, совсем не хочется говорить о смерти.

– А коробку вы тоже возьмете?

– Бутылка была в коробке?

– Ну... я хотела себе оставить, жалко такую выбрасывать.

...

Действительно жалко – почти что произведение искусства: тонкие полированные дощечки покрыты веревочным материалом благородно-серого цвета, во всю длину дверка, верхние и нижние петли закрывают ее, наброшенные на красные маленькие винные бочонки – этакий пейзажный декор... а посередине дверки и сбоку две, тоже красные, сургучные печати с изображениями чего-то фирменного... вскрытые, от боковой свисает веревочка.

– Обещаю вам коробку вернуть.

Чай и мои вопросы скоро закончились, и я уже двинул на выход, но в боковом зрении мелькнул бокал, пустой, однако похожий...

– Катя, это такой же, как те на столе?

– Да. Из него Анна Николаевна вино пробовала.

– Стоп! Промытый бокал?

– Я вымыла.

– Еще потом надо содой промыть.

Прозрачные стенки и ножка, а в месте стыка ножки и дна подкраска – светло-зеленый цвет – дальше вверх по стенкам цвет исчезает.

А внутри... да, на таком донышке светлых крупин не увидишь, разве если нарочно вглядываться.

Примерно через час мы отправились к себе на Петровку.

С тремя протоколами, по которым картина случившегося, не во всех еще деталях, но в целом – нарисовалась.

Однако сначала о действующих лицах.

Хозяин – крупный лесопромышленник.

Хотя тогда они все числились и называли себя «предпринимателями».

А в экспорте круглого леса, такие стартовали из самых первых и «предпринимали» с нарушениями чего только можно, включая вырубку леса на больших не относящихся к ним хозяйственных территориях; в спайке, разумеется, с местной администрацией, для которой тогда взятка даже в десять тысяч долларов была вполне привлекательной. На российских окраинах творить можно было вообще что угодно, а если вдруг несговорчивый какой-то возникнет инспектор – так прямо на делянке его и зарыть.

Хозяин, кстати, и в физиономическом смысле не походил на представителя ласковой части человечества: темные волосы и глаза, ссуженный вниз овал лица с несколько орлиными чертами; вроде бы русский, но кто нас, намешанных, знает.

Анна – его дочь от какого-то первого брака. По ней мы пока ничего не узнали, кроме возраста в двадцать четыре года, а исполнилось в тот день двадцать пять. Лицо, волосы, фигура... всё аккуратное, но без заметного выражения.

Молодой человек Эдуард – племянник, сын сестры хозяина. Сестра – врач в Белоруссии, а парень – будущий биолог, заканчивает второй курс МГУ.

Импозантный господин, имя – Феликс Андреевич (фамилии здесь, и в большинстве случаев, я не привожу), совладелец бизнеса, но, как себя сам обозвал, «миноритарный». По терминологии, миноритарный – тот долевым совладелец, который, за меньшей частью своего капитала, имеет долевыми доходами, но не имеет права влиять на управленческие решения. Допытываться как именно у них на самом деле внутри обстояло, мы, разумеется, ни прав не имели, ни особого для следствия смысла.

Теперь самое интересное – Марина – жена... не знаю до сих пор, как в точности в таких случаях называть кого нет.

Переводчик фирмы.

То есть в таком качестве она появилась около полугода назад, а через три месяца стала женой своего шефа.

Интересно, откуда она вообще появилась.

Из Америки.

Еще школьницей была, когда ее мать вышла замуж за работавшего у нас американца, и доучивалась девушка уже там.

Со слов Феликса, после колледжа Марина проучилась, вполне успешно, в университете; еще студенткой старалась подрабатывать англо-русскими переводами. На удачу, в какой-то крупной фирме ей предложили на хороших условиях поработать около года в России. А когда контракт заканчивался, решила поискать тут в буржуазной уже Москве, и как раз к Феликсу на собеседование заявила. Переводчик, по сути с обоими родными языками, и еще с хорошим французским, который учила в университете.

Михалыч, между прочим, отметил, что у Феликса, когда тот рассказывал, звучало о ней, как о служащей, в неподходящем к произошедшему тоне.

...

Еще одно обстоятельство: от того же Феликса выяснилось, что организацию две недели назад начали шантажировать: дважды приходили письма с требованием полутора миллионов баксов, и указывался вполне грамотный способ передачи денег, когда оперативный перехват преступников осуществить очень сложно. Угроза за отказ традиционная – жизнь руководителя и его близких.

Ответили на это усилением охраны – Марина и Анна стали ездить с водителями-охранниками, а до того сами сидели за рулем.

Шантажа, различного рода, было тогда предостаточно – иногда вполне даже серьезного, но нередко с попыткой просто взять на испуг.

У фирмы, сказал Феликс, раньше такое уже случалось, но на угрозы не поддавались, а тем более, уже год находились под охраной конторы от Минобороны – хотя, формально, и частной.

Тут следует опять предостеречь от наивного удивления – в буржуазную стихию именно «силовые» и «советские партийные» органы бросились самыми первыми, а достаточно показательным случаем стал «блошинный прыжок» Филиппа Попкова – главного борца против диссидентов и вообще «буржуазного влияния Запада», прыжок из трехзвездочного генеральского мундира КГБ СССР в помощники к миллиардеру Гусинскому.

Охрана у фирмы оказалась, следовательно, вполне надежной, но показания дежуривших охранников – совершенно пустыми: «находились в холле, узнали, когда произошло, от Анны Николаевны».

«Сапоги», – сказал Аркадий, когда позже мы просили дать им характеристику в связи с возникшими во все стороны подозрениями, – «туповатые, но исполнительные. Но чтобы вме-

сте с криминалом что-нибудь замутить – нет, хотя за отдельного какого-то работника поручиться нельзя».

Ну, это тогда.

Сейчас, очень похоже: все вместе со всеми и против кого угодно, вопрос лишь в количестве денег.

Дальше – по самому событию.

Значит, от Кати.

Сесть за стол должны были в половине шестого. Дома не готовили – заказ получили из ресторана. Примерно за полчаса Катя начала на стол накрывать. Скоро вернулась из парикмахерской Аня, попробовала вино, что оно то самое с аукциона – что фэйк не подсунули... вино купила в Париже – откуда несколько часов назад прилетела. Бутылка была в коробке, в баре на стеллаже. Аня, как приехала, ее туда поставила, чтобы пить потом первый тост, потому что какое-то замечательное очень вино. И Аня переодеться к себе пошла, а минут через десять уже сели. В бокалы вино наливал, кажется, Эдуард. А дальше поднялся шум, ребята из охраны туда побежали, от них она узнала про Марину, потом, испуганная, в зал не входила. Но вообще, у нее «в голове смешалось, может чего-то спутать».

Вот такой репортаж от горничной.

Впрочем, по моему впечатлению – девушка не казалась уж очень напуганной.

Михалыч начал разговор с хозяином и его компаньоном, но скоро только с ним, так как отца с дочерью забрали прибывшие медики.

Начальник стал зачитывать, как положено снятые показания, а в моем пересказе они выглядят так.

Феликс приехал с Николаем прямо с фирмы в районе пяти часов и сидел некоторое время здесь в гостиной, курил, смотрел прессу. В зал не выходил, но кажется, там была только Катя. Минут через пятнадцать подошла Анна и позвала его открыть раритетную из Парижа бутылку... хотя сам он в большую разницу между вином в двести долларов и в семь тысяч долларов не верит.

Тут Михалыч от себя заметил, что и он не очень верит, а Алексей соорудил на это ироническую гримасу. Для сравнения: не самая плохая однокомнатная квартира в Москве стоила тогда тысяч восемнадцать.

И дальше: в зале распоряжалась горничная... Эдик явился, пробовал ей помогать... Феликс, открыв бутылку, налил немного Анне – она попросила – вдруг в коробку положили не из той знаменитой партии.

Не бывший во Франции Михалыч опять поделился: «Французы, понятно, жулики, но не в таких делах, сыр и вино у них – национальная репутация». Леха не посмел съерничать, хотя видно было – очень хотелось. А вообще мы к тому времени порядочно уже устали.

...вино в бокалы разливал Эдик. Скоро все собрались, сели... Феликс, так сложилось – в их компании тамада, произнес небольшую речь... чокнулись с Аней, она в ответ поблагодарила, еще раз чокнулась... но тут Марина вроде как вином поперхнулась, он дальше всех от нее сидел – не заметил, а Аня – почти напротив и Николай – рядом, внимание обратили... тут и им с Эдиком видно стало, хотя Марина сделала знак – «сейчас пройдет», только снова вдохнула как будто ей горло сдавливает, и еще раз... мысль – капля в дыхательное горло попала, тут прокашляться человеку надо, и ладонью ему по спине – он даже показал Николаю «похлопать», но в момент, этот самый, Марина вверх дернулась с сильным звуком будто горло сдавило совсем, еще раз... и резко осела. Аня вскочила «скорую» вызывать, все вскочили... Эдик к медицине небольшое отношение имеет – пульс на руке проверил, на шее, только видно – глаза полуот-

крытые у нее неживые... «Скорая» приехала очень быстро, врач сказал – «паралич дыхательных путей», а точнее сказать не может – не исключено отравление, в общем – дальше милиция.

Еще чуть деталей от Эдика, которого опросил Алексей.

...пришел из своей комнаты минут за несколько, немного помог Кате... получил от Марины подарочную для Ани медальку...

– Какую медальку?

– Не знаю, Дим, какую-то.

...тост и так далее... Аня в ответ поблагодарила... еще раз с ним и Феликсом чокнулась... смотрел на Аню – не сразу заметил, что Марине нехорошо... стала вдруг задыхаться, произошло всё за две-три секунды... пульс у нее попробовал – понял, что остановка сердца... при падении сердечной деятельности с последующей остановкой в клинических условиях сердце иногда запускают, но тут подозрение возникло, что «Скорая» не успеет.

...

Михалыч, на раздавшийся телефонный звонок, поднял трубку... и почти сразу нам сообщил:

– В бутылке яд.

Китель на спинке моего стула... я же забыл вынуть пакетик с той красной оберткой...

– Леш, тащи свою лупу.

Если яд попал шприцеванием, это очень упростит нашу задачу.

А Михалыч, уже положив трубку, сообщил подробности:

– Концентрацию они установили в пять-шесть граммов. Лошадиная доза, тут всем бы хватило, и тоже сразу – как с этой Мариной. А чем это вы занимаетесь?

Лешка, вместо того чтобы дать мне лупу, выхватил обертку, со словами, что «лучше сам» и уселся за свой стол рассматривать.

Начальник всё понял, и мы принялись ждать.

Большая лупа, не послушавшись сразу, нервно задвигалась.

...

– След от прокола колпака!

– Ну-ка, дай, – приказал Михалыч.

– Прямо посередине, – подсказал Алексей.

Тут времени почти не понадобилось:

– Есть, – подтвердил начальник. – Теперь, Леша, отправляйся к экспертам, проверь вместе с ними пробку.

– И коробку, вон там в пакете.

– Да, и коробку. А ты, Митя, ее смотрел?

– Смотрел, там красные пломбы – две, на дверке и сбоку через веревочку. Катя сказала, Феликс веревочки отодрал, а коробку разрешил ей забрать. Я, кстати, вернуть обещал.

– Дети, ей-богу, вам волю дай – вы все вещдоки раздарите. Гони, Алексей, пусть пломбы как следует проверяют. Может быть, их дважды вскрывали, переставляли как-то.

Леха умчался.

А Михалыч, нервно пробарабанив пальцами, заявил:

– Я, знаешь, подобного дела вообще не припомню. И убойная доза – чтобы всех наверняка?.. Зачем?

Что-то в словах начальника меня царапнуло... в каких? случайное или важное я упустил?.. улетело из-за нового звонка, но главное – от выразительного движения его глаз к потолку, что значило – высокое руководство тревожит.

И по первым ответным словам Михалыча... бр-р, стало ясно, что сам министр.

То есть Ерин В. А.

Личность, требующая нескольких о себе слов, особенно в событийном ряду 1993 года.

В октябре министр Ерин получит от Ельцина самый высокий орден – Героя Российской Федерации.

За расстрел Парламента из танков, множественные убийства случайных людей у Останкино и еще кое-где по Москве, точнее – за организацию всего этого.

На фотографии, которая наверняка имеется в Интернете, вы увидите нечто, заставляющее вспомнить Шарикова и наркома Ежова, одновременно.

«Физиогномика» уже давно признана серьезной наукой, но кроме нее сошлемся еще на факты.

С молодых лет пошедший работать в милицию, Ерин рано стал и человеком глубоко партийным, что означало «искренне преданным ленинской коммунистической партии» – это не просто пять слов, это – «знак качества». Его нужно заслужить. Нет, не в профессии, а именно в «преданности».

Как?

Постоянной демонстрацией «преданности»: выступлениями на собраниях с максимально раболепными высказываниями в адрес руководящих органов партии, ее «очередного» генерального секретаря и – совершенно обязательно – вождя революции Ленина, который «всегда живой». На этом фоне, вторым эшелон, нужно хвалить собственное руководство, и здесь важная техническая деталь: чем выше градус похвалы первого плана, тем выше, хотя уступая ему, и градус лести второму. Например, на фоне слов о «мудром руководстве коммунистической партии и ее Генерального секретаря» уместно заявить о правильных и своевременных решениях своего начальства, «что требует от всех нас...» и «для выполнения поставленных задач мы все как один...» Помните, Остап Бендер составлял вокабулярий для совершенно бездарного Ухудшанского: «взвейтесь... пламенеет... историческая поступь... а среди арыков и аллей идет гулять ишак»; жизнелюбивый Остап не смог удержаться от «ишака», а в остальном – то же самое. И Шариков булгаковский ведь быстро добрался до партийной трибуны – собачий нюх, оказалось, способен чувствовать не только кошек.

Тут еще одна важная и особенная черта позднего брежневского времени – конец 70-х – начало 80-х: сформировалась очень специфическое политическое поведение, которое можно назвать «Небеспокойством». Уже едва шевелящаяся основная часть состава Политбюро просто физически неспособна была к активному восприятию происходящего. В аппарате ЦК – помощники, советники и прочие специалисты – поэтому понимали: во-первых, что бесполезно приставать к землекопу, у которого лопата выпадает из рук; а во-вторых, сил у него всё же достаточно, чтобы двинуть в ответ этой лопатой. А дальше – «вниз по лестнице, ведущей вверх»: хочешь вверх – не беспокой слишком начальников негативной информацией, им тоже нужно не беспокоить своих, и так – сверху-донизу.

Возник популярный, хотя совсем не смешной анекдот: «В метро на перегоне сломался поезд. Что делать? И которые там коммунисты, всем предлагают: давайте зашторим окна, начнем раскачивать вагон и будем думать – что едем».

Не смешно было еще потому, что последствия такой «езды» складывались очень небезобидные. Особенно в смысле правопорядка, когда вместо защиты людей и расследования различного криминала шли доклады об успешной борьбе с преступностью и о том, что она постоянно снижается. Люди за это платили имуществом, здоровьем и жизнями. Во многих местах дошло до того, что нагло орудовали уличные банды, творили, в том числе, изнасилования взрослых и малолетних, а жертвы боялись обращаться в местные отделения или там просто не давали заявлениям ход. Забить группой до смерти человека, который посмел сделать хулиганью замечание, или вообще немотивированно забить – тоже не считалось чем-то особенным. Кроме того, в тот «щелоковский» период (о нем в новелле III), по словам председателя

КГБ Андропова, сама милиция совершала в день не меньше преступлений, чем преступники, а основное из них – обобрать пьяного, иногда с избиением до убийства.

И вот в таких именно условиях делал и сделал себе карьеру Ерин, и именно в Татарии, где уличный бандитизм достигал апогея.

Герой России – «за мужество и героизм, проявленные при пресечении вооруженной попытки государственного переворота 3—4 октября 1993 года в Москве».

Тут всё вранье, причем продолжающееся: переворот, и именно вооруженный, был произведен именно Ельциным. Чтобы не утомлять длинным рассказом приведем одно, но вполне достаточное, доказательство.

Новым генеральным прокурором (старого незаконно убрали) Ельцин назначил омского юриста профессора А. И. Казанника и обязал его возглавить расследование того самого, якобы путча, 3—4 октября. Через месяц, примерно, комиссия Казанника дала заключение, где главным пунктом указывала: нет ни одного факта применения огнестрельного оружия со стороны «путчистов». А еще через четыре месяца (неловко сразу) Казанник отправился на прежнюю работу в родной город Омск. Зачем – если не подлец – ельциноидам нужен?

И надеюсь, уже понятно: сам Ерин, сидя с Ельциным в Кремле, ничего героического не совершал, а лишь убивать командовал по телефону.

И еще: по заявлению некоторых известных лиц, склонял их, в разные годы, к убийству неугодных людей.

Сама по себе эта помесь двух упомянутых выше персонажей не заслуживает вообще никакой исторической строчки, но очень важна чертой того мерзкого времени, от которого, эволюционным продолжением, явилось уже теперешнее.

– Знаешь, Митя, министр не показался мне особо чтоб озабоченным. Согласился, что дело странное, но просил план расследования, хоть какой-то, поскорее ему предоставить.

– Чтоб от звонков отбиваться?

– Да, почти так и сказал. И сам, чувствуется, большого значения делу не придает.

– Ну, это легче. Завтра к середине дня что-нибудь набросаем.

Ерин, активно поддержавший Ельцина во время августовского переворота 91-го, им очень ценился, и это играло сотрудникам на руку, позволяя не особенно реагировать на бывшее тогда очень частым внешнее давление.

– Вот что нам надо включить в план, Сергей Михайлович. Цианид на дороге не валяется, и у него режимное хранение.

– Ой, Митя, «режимное хранение», сейчас из Алмазного фонда, мы не знаем, чего уносят.

– Я не об этом. Время на розыскные работы источника цианида получим. И опять же – мероприятие в плане.

– А, вот это уже хорошо.

Работать в ментовке надо всегда в двух направлениях: для дела, и для отмазки – имитации активности, по-другому.

Начальник еще раз покивал головой:

– Это ты молодец.

Появилась Лёшкина физиономия.

И сразу же доложила:

– С пробочкой ничего не вышло, потому что и не должно.

– Канал от штопора на то место пришелся? – догадался я.

– Конечно, он же широкий.

– По коробке они что сказали?

– Будут еще проверять, но по первому осмотру – печатки родные и заметных повреждений у коробки нет.

– Что же у нас есть? – риторически произнес начальник и посмотрел на часы.

Время уже сильно перевалило за семь, и торчать на работе дольше не имело смысла.

– Ладно пинкертоны, вы завтра прямо с утра с врачами свяжитесь – когда отца с дочерью опросить можно. Требуйте, чтобы быстрее. А в середине дня уже план розыскных мероприятий рисовать будем.

У нас на работе всегда имеется цивильная одежда, чтобы не светиться в нелюбимой народом ментовской форме в местах общественного пользования.

В такое, как раз, мы скоро бодрым шагом направились.

Кроме «Сада Эрмитажа» у нас была еще пара любимых точек, и одна из них – в тихом переулке рядом с Большим театром. Там «стоячка», но когда засиживаемся на работе – оно и лучше. И там всё что нужно для души наливают, а также свежие всегда бутерброды и вкусные жульенчики. Правда, может подвалить компания отыгравших спектакль или репетицию оркестрантов, и тогда становится тесновато и шумно, к тому же некоторые имеют способность с большой скоростью напиваться, громкость голосов повышается, кто-то пропоет один-другой кусок арии... всё это, однако, без хамства и даже забавно, но в такой обстановке уже ни о чем толком не поговоришь.

А вообще место, окруженное серьезными очень организациями, было интеллигентное.

Ходу нам быстрым шагом по Страстному, потом по Дмитровке – минут на пятнадцать.

Но не хочется сейчас особенно торопиться.

В Москве уже вычистили мостовые, нет черных ледяных остатков, и кажется, потеплевший асфальт, неизвестным науке чувством, тоже радуется освобожденной от холода жизни.

А как, кто-то или что-то, может не радоваться свободе и солнцу – которого становится много?

Пришли.

Еще здесь готовят мясо в горшочках, к которому хорошо по сто граммов чистенькой.

Однако потом – только пиво, у нас в этом смысле жесткое правило. Причем в летнее время мы от крепкого вообще отказываемся.

Едим, оголодавши, быстро, поэтому скоро переходим к делам.

...

– Как у тебя, Дим, общее впечатление?

– Мутное. Горничную я расспросил об отношениях – всё выглядит благополучно. Никаких ссор она не наблюдала. В квартире десять комнат, три ванно-туалетных блока. Центральная часть – где мы были – она же и место сбора. А так, расползаются по разным отсекам.

– Но Феликс отдельно живет?

– Он отдельно, хотя часто бывает. И кстати, Михалыч его поверхностно опросил.

– Условия не очень позволяли.

– Понятно, но надо в подробностях опросить с этой бутылкой, ее открыванием... может быть, кто-то входил-выходил... мы же реальной картины сейчас не видим.

– А какие вообще там варианты могли быть? И цель отравления всех сразу?.. Шантаж? А с кого потом деньги брать? Но главное – как яд оказался в бутылке? Анна в Париже его шприцевала?

– Если, вообще, это Анна туда цианид загнала. Чего, тогда, вино пробовать ее понесло?

– Как раз для алиби. Если всего – «на язык».

– И как это она так точно дозу рассчитала, чтоб не с концами?

Мы начинаем валить вопросы, но это не бестолковость, а метод: в подобных случаях нужно обязательно их сваливать все, так как нет главной версии, а выйти на нее – можно лишь разгребая всю кучу, разбирая, в том числе, и, кажущееся даже третьестепенным.

– Происхождение цианида, Дима. Его в аптеках не продают.

– Час назад сказал об этом Михалычу. Если все-таки Анна каким-то образом...

– Оставляем пока этот момент до окончательной проверки коробки.

– Не оставляем. С коробкой может быть чисто, но мы не знаем, можно ли там на французском аукционе купить бутылку, а через час, например, прийти и попросить запечатать в фирменную коробку?

Пожилый импозантный мужчина, проходивший мимо нашей стойки с коньячком и двумя икорными бутербродами, тормознувшись, сделал вдруг к нам шаг назад:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.